

Аш Витали

ПО ТУ СТОРОНУ
НЕБА

Аш Витали
По ту сторону неба

«Автор»

2026

Витали А.

По ту сторону неба / А. Витали — «Автор», 2026

После аварии, которая унесла жизнь мужа и оставила четырнадцатилетнего Эрика инвалидом, Грейс пытается начать всё заново в новом доме. Но вскоре она замечает, что сын меняется: его поведение становится странным, будто он всё глубже погружается в неведомую силу, скрытую за стенами жилища. Дом хранит тайны, и эти тайны постепенно подчиняют себе мальчика. Теперь Грейс должна разгадать загадку, прежде чем дом окончательно поглотит её сына.

© Витали А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	24

Аш Витали

По ту сторону неба

ПРОЛОГ

пролог

Вудсток (Нью-Йорк) 6 апреля 2009 год

Сирена скорой помощи рассекала ночную тишину Вудстока, словно крик, прорезающий сон города. Красный свет мигал на фасадах домов, превращая их в призрачные декорации. Машина остановилась у массивного двухэтажного дома окна которого были погружены во мрак. На крыльцо выбежала женщина — лет тридцати семи, в домашнем халате, сбившемся на плечах. Волосы ее спутаны, лицо бледно, глаза воспалены от слёз и бессонных часов. В её облике чувствовалась усталость и надлом, будто сама ночь выжгла ее силы и оставила следы на коже. Она дрожала, но не от холода, а от ужаса, который разрывал ее сердце.

Дверь распахнулась и врачи вынесли на носилках двенадцатилетнюю девочку. Лысая голова блестела в свете фар, словно фарфор, лишённый защиты. Болезнь давно отняла у неё волосы, а теперь и сознание. Она лежала неподвижно, как хрупкая кукла, и только приборы, подключаемые врачами, обещали дыхание. Мать бросилась к дочери. Ее руки дрожали, но она крепко сжимала маленькую ладонь, будто пыталась удержать жизнь силой своей любви. Слезы текли по лицу, смешиваясь с ночной влагой. В кабине скорой раздавались сухие щелчки аппаратуры, и каждый звук казался ударом по ее душе. Машина тронулась, увозя их в ночь. Дорога впереди была пустынна, и казалось, что она ведет не столько к больнице, сколько в неизвестность — туда, где решается судьба.

Глава 1

Вудсток, 1 октября 2016 год.

Грейс проснулась рано, как всегда, ещё до того, как первые лучи солнца проникли сквозь тонкие шторы в спальне. В доме было тихо, только шелест ветра за окнами и слабый скрип половиц под ее шагами нарушали утреннюю тишину. В комнате чувствовался запах свежести, который был новым для этого дома — загородного, старинного, с высокими потолками и большими окнами, сквозь которые виднелись зеленые холмы и опушки леса.

За окнами просыпался Вудсток — маленький городок, где жизнь текла медленно и размеренно, словно сама природа диктовала ритм. Она тихо поднялась, чтобы не разбудить сына. Эрик спал в своей комнате, где его кровать стояла рядом с большим окном, откуда открывался вид на сад. Каждое утро в новом доме в Вудстоке казалось им началом чего-то другого, и Грейс не могла отделаться от ощущения, что именно здесь они с сыном начинают заново. Он ещё не проснулся, и это было, пожалуй, к лучшему. Она успела приготовить завтрак. Грейс надела лёгкий фланелевый халат в синюю клетку, который давно стал её утренним ритуалом.

Шелковая прядь её каштановых волос чуть коснулась её лица, и она аккуратно откинула её за ухо. В ней чувствовалась какая-то внутренняя сила, несмотря на тонкие морщинки, которые появились в последние месяцы. Её лицо выглядело уставшим, но усталость была спокойной, почти умиротворенной. Она больше не мечтала о возвращении в прежнюю жизнь. Всё изменилось, и она приняла это. На кухне Грейс включила чайник и поставила на плиту сковороду. Тот же запах жареных яиц и поджаренного тостового хлеба наполнил дом. В этот момент она почувствовала, как нужно быть сдержанной, как будто каждое ее движение должно быть продуманным, чтобы не потревожить покой, который они только начинали строить здесь, в этом тихом уголке Вудстока.

Когда Эрик проснулся, его лицо было таким же, как всегда — задумчивое, с лёгкой хмуростью на лбу. Он ещё не привык к новому дому, и каждое утро для него было словно новое начало. Он не мог самостоятельно передвигаться, и его инвалидное кресло, которое теперь стало его единственным средством передвижения, стояло у кровати. Грейс взглянула на сына, и её сердце чуть сжалось, но она быстро собрала себя, чтобы не показывать своей слабости.

—Завтрак готов, Эрик, — сказала она, когда Эрик появился на кухне.

Эрик, четырнадцатилетний парень с густыми темными волосами и пронзительно голубыми глазами, всегда отличался своей энергичностью и жадной познания. Мир для него был открытым пространством возможностей. Однако автокатастрофа перевернула его жизнь. Теперь Эрик передвигается на инвалидной коляске и часто ощущает себя одиноким, потерянным в мире, который кажется ему сузившимся и неприветливым.

В памяти Эрика четко сохранилась та страшная ночь. За рулем их потрепанного седана сидела Грейс, мать, обладающая сильным характером и взглядом, который, хотя и теплый, не лишен тревоги. Она была тридцати восьми лет, умна, заботлива и всегда старалась изо всех сил для своего сына. Часто повторяла, что личное время ей недостает, ведь семья всегда стояла для нее на первом месте.

Работая врачом в детской поликлинике, Грейс, несмотря на уверенность в своих водительских навыках, иногда утомлялась. Но эта ночь не внушала никаких опасений. Усталость от рабочего дня тяготила Грейс, но Эрик, как всегда, с энтузиазмом беседовал с ней по пути домой. Дождь лил без умолку, дорога была скользкая. Внезапно, когда Грейс ненадолго отвлеклась, взглянув на экран навигатора, на их пути возникла опасность: автомобиль с встречной полосы, пытаясь избежать столкновения, потерял управление. Грейс успела заметить приближающуюся катастрофу, но избежать столкновения не удалось. Столкновение произошло с огромной силой. Эрик, сидевший на переднем сидении, получил тяжелейшие травмы: повре-

ждение позвоночника и сотрясение мозга. Его жизнь оказалась на грани. Грейс, обладающая немалым опытом и умениями, не смогла избежать трагедии.

Проснувшись в без сознания после аварии, она обнаружила себя в развалинах машины, и сердце ее разрывалось от ужаса, осознавая случившееся. Эрик остался без отца: отец погиб в результате аварии, находился в задней части автомобиля и получил несовместимые с жизнью травмы. Грейс выжила, но каждый день ощущает пустоту внутри, как будто потеряла нечто бесценное. Ее мучает чувство вины за то, что не смогла спасти семью. Теперь ее жизнь целиком посвящена поддержке Эрика, его восстановлению. Она стала более замкнутой, страдает от бессонницы и беспокоится о том, что ждет ее впереди.

Несмотря на все испытания, Грейс сохраняет свою силу, стремясь построить для Эрика не только безопасное физическое пространство, но и эмоциональную опору в этом незнакомом мире. Для Грейс Алекс, её муж, был не просто спутником жизни, он был её опорой, тем, кто давал ей ощущение полноты. Старший на несколько лет, с густыми, всегда аккуратно уложенными волосами и пронзительными, задумчивыми глазами, в которых сочетались спокойствие и сила, он был для нее источником уверенности и поддержки. Алекс находил счастье в мелочах: в вечерних прогулках, чашке утреннего кофе, звонком смеха Эрика. Он обладал мягким, но непоколебимым характером, всегда вставал на защиту своей жены, даже когда она сама себе не верила.

Грейс называла Алекса своей "безопасной гаванью", человеком, которому можно было довериться в любой трудности. Его терпение, понимание и любовь к семье были неоценимыми. Он всегда старался обеспечить Грейс возможность отдохнуть, понимая, как напряженно она трудится в медицине. Он чутко чувствовал, когда ей необходимо время на себя, чтобы снять напряжение и восстановить энергию. Иногда он преподносил ей сюрпризы: нежные ужины или короткие поездки, чтобы подарить ей передышку от будничной рутины.

Её чувства к нему были глубоки и спокойны, подобно реке, которая течет годами, не нуждаясь в бурных проявлениях. В глазах Грейс Алекс был воплощением уюта и безопасности, ее личным пристанищем. В сложные времена он всегда оказывал ей поддержку, проявляя чуткость и внимательность, часто предвосхищая ее желания. С каждым годом он становился для нее все более ценным человеком. Его любовь была чистой и искренней, без каких-либо условий или попыток притворяться.

Трагическая автокатастрофа, унесла жизнь Алекса, и мир Грейс рухнул. Потеря, которая потрясла ее до глубины души, навсегда изменила ее жизнь. Её энергия, которая могла бы помочь ей двигаться вперед, была целиком сосредоточена на выживании и преодолении боли. Она впала в глубокую депрессию и долгое время не могла принять мысль о его отсутствии. Целый месяц она не покидала дом, почти не общалась с людьми, не могла смотреть на вещи, которые напоминали о нем — его одежду, книги, фотографии. Все, что их связывало, казалось разрушенным, а воспоминания — нескончаемой болью.

Профессия врача больше не могла быть для Грейс приемлемой. Утрата мужа, а вместе с ним и часть своей идентичности, оставила пустоту в ее жизни. Она не могла нести ответственность за здоровье других, когда сама находилась в состоянии глубокой печали. Оставив медицину, которая когда-то была смыслом ее существования, Грейс посвятила себя заботе о сыне. Это был ее осознанный выбор: она не могла быть врачом, помогающим другим, когда ее собственное сердце было раздробленным. Быть тенью самой себя — такую стала Грейс, целиком отдавшись заботе о сыне. В её глазах исчез прежний огонь, заменившийся лишь стремлением найти в себе силы, чтобы быть рядом с Эриком. Несмотря на утраченную идентичность, она находила в себе мужество продолжать жить ради сына, пусть и без настоящего счастья.

Грейс размеренно накладывала себе порцию, стараясь не позволить своим взглядам задерживаться на Эрике слишком долго. Утренняя тишина была почти ощутимой. Даже тиканье часов на стене звучало глухо, словно боясь нарушить спокойствие.

— Ты как, Эрик? Всё в порядке? — спросила она мягко.

Эрик долго смотрел в свою тарелку, не поднимая глаз.

— Да, нормально, — наконец ответил он, тихо, почти без интонации. — Просто иногда чувствую, что всё так медленно. Даже завтрак.

Грейс вздохнула, стараясь улыбнуться.

— Я понимаю. Ты не один такой. Иногда и мне кажется, что время просто тянется, когда я не рядом с тобой. Я надеюсь Моника к нам вернется и она сможет проводить с тобой время как раньше. — Ты помнишь, что делать, если вдруг что-то пойдёт не так?

— Да, мама, помню. Если что — позвоню. Ты же всегда говоришь, что я могу позвонить в любое время.

— Да, — тихо произнесла Грейс. — Ты всегда можешь. Только постарайся быть осторожным. Я хочу, чтобы ты был в безопасности чтобы я могла вернуться и увидеть, как ты снова улыбаешься.

— Не переживай, я справлюсь. Просто иногда тяжело быть одному.

Грейс улыбнулась, хотя в уголках губ дрогнула тень тревоги. В этом доме каждое прощание звучало чуть длиннее, чем хотелось бы. Грейс медленно встает из-за стола и направляется к обувной полке. Осенняя прохлада уже наполнила дом, и за окнами слышится шелест падающих листьев. Она тянется к своей любимой паре черных ботинок с мягкой кожей и тонкими каблуками. В комнате пахнет утренним дождем и свежестью. Она одевает одну ботинку, затем другую, аккуратно затягивая шнурки. Грейс подошла к двери, на мгновение остановилась, бросая последний взгляд на сына. Она тихо открыла дверь, и свежий осенний ветер наполнил комнату. Перед тем как выйти, она быстро обернулась:

— Ты — моя опора, Эрик. Ты знаешь это, правда?

— Знаю, мама. Береги себя, — ответил он.

Старая серая «Фольксваген-поло» стояла у края гравийной дорожки, покрытая тонкой пеленой пыли и осенними листьями. Грейс провела пальцами по капоту, словно извиняясь за то, что давно не мыла ее, и села за руль. Осень в этом году выдалась на удивление тёплой. Жёлтые и медные листья медленно кружились в воздухе, садились на лобовое стекло, будто природа старалась смягчить всё, что было внутри нее. Она включила зажигание, мотор заурчал с характерным скрипом.

Машина тронулась с места, а за окном поползли знакомые пейзажи: старая мельница, река, поле, придорожные тополя. И вдруг как всегда это случилось в дороге память накрыла её, будто волна, которую невозможно было остановить. Тот день. Дождь. Скользкая дорога. Муж смеётся, Эрик на переднем кресле рассказывает истории, размахивает руками. И потом только крик тормозов, удар, тишина. Навсегда. По щеке Грейс медленно скатилась слеза. Она не вытирала её — просто позволила ей быть. Как память. Как боль, которая уже не рвет изнутри, но никогда не исчезает. Машина ехала дальше, по теплой осени, а в груди пульсировало что-то очень человеческое: вина, любовь и неизбывное желание жить.

Глава 2

Эрик медленно направил своё инвалидное кресло к большому окну в гостиной. Колёса чуть поскрипывали по деревянному полу, и это сухое, едва уловимое звучание было почти единственным, что нарушало тишину. День шел к закату и он остановился у окна, чтобы погреться в мягких лучах осеннего солнца, которое рассыпалось золотыми бликами по его лицу. За стеклом листья с клена у соседей падали на землю, кружа в воздухе, как маленькие птицы. А чуть дальше, у невысокого забора, Эрик заметил девочку, лет шести она играла в классики, прыгая по мелу, оставленному на тротуаре. Её движения были легкими, почти танцем — прыжок на одну ногу, потом на две, снова на одну.

Она смеялась, спотыкалась, начинала заново, будто времени у неё было бесконечное множество. Эрик смотрел, не отрываясь и с каждым её прыжком что-то внутри него болезненно сжималось. Он знал, что больше никогда не сможет так прыгнуть, не сможет почувствовать, как земля поддается под ногами, как тело взлетает пусть на мгновение, но само, без усилий и механизмов. Каждый лёгкий прыжок девочки был для него ударом — тихим, точным, неотвратимым. Словно напоминание. Словно шёпот: «Это — больше не для тебя». Эрик всё ещё сидел у окна, но взгляд его теперь был пустым — он как будто смотрел сквозь стекло, сквозь осень, сквозь день. Где-то глубоко в груди разливалось ощущение, которое он уже научился узнавать: это была не просто грусть.

Это была тоска живая, как существо, которое поселилось в нём с тех самых пор, как он перестал чувствовать ноги. Он вздохнул медленно, почти беззвучно. И поднял глаза снова — девочка уже убежала, и пустая дорожка с разметкой классиков теперь казалась ему особенно чужой, словно чей-то забытый праздник. Он отвел взгляд, но прежде чем развернуть кресло, заметил в отражении окна своё лицо. Слегка потускневшее, уставшее, а в глазах тот самый огонь, который всё ещё не хотел сдаваться. Эрик повернулся от окна и подъехал к полке там лежал старый фотоаппарат. Когда-то он фотографировал всё подряд — города, леса, людей. С тех пор прошло много времени, но пальцы всё ещё помнили, как держать камеру. Он взял её и положил на колени.

— Раз уж не могу прыгать, буду ловить тех, кто может, — тихо сказал он себе.

Может быть, это и будет его новый способ двигаться, жить и прыгать — хотя бы через объектив. Эрик собирался сфотографировать пустую дорожку у окна — мел, осенние листья, одинокую тень от дерева, но как только он поднял камеру и прижал глаз к видоискателю, в доме что-то тихо скрипнуло. Он замер. Звук был еле слышен словно старая доска на втором этаже прогнулась под чьим-то шагом. Он опустил камеру и прислушался. Ничего. Только тиканье часов в углу и далекий шелест ветра за окном.

— Показалось, — прошептал он себе под нос, почти с облегчением.

Эрик снова поднес фотоаппарат, но как только палец лёг на кнопку спуска — скрип повторился. На этот раз громче и отчетливее. Скрип словно перекатился по потолку, будто кто-то осторожно ступил и остановился. Эрик замер. Сердце начало стучать чаще, и не потому что он испугался — нет, не только, там было что-то другое, что-то неясное, похожее на любопытство, на предчувствие. Он медленно повернул кресло от окна. Дом был чересчур тих. Эрик знал, что никого не должно быть на втором этаже так как в последние месяцы они жили одни, а сиделка приходила днем, но сейчас её давно уже не было. И всё же кто-то или что-то там было. Он протянул руку и выключил камеру, щелчок механизма прозвучал как выстрел в тишине. Эрик сглотнул и посмотрел на лестницу, ведущую вверх. Скрип снова.

— Кто там? — голос дрогнул. — Есть кто-нибудь?

Ответа не последовало, только тишина и странное чувство как будто сверху кто-то загался и слушает. Он подкатился к лестнице и нажал кнопку на пульте подъёмника. Устройство

загудело и плавно потянуло кресло вверх по направлению вдоль стены. Они жил в этом доме всего пару месяцев, как съехали с предыдущего дома в Вудстоке. Дом был старый, скрипучий, с историей, которую им никто толком не рассказал. Подъёмник остановился, и Эрик выехал в коридор. Дом дышал тишиной, но она была не успокаивающей — она как будто ждала.

В коридоре, слева, находилась ванная и одна из спален в которой спал Эрик, справа напротив его комнаты находилась комната Грейс еще одна гостевая. И в самом конце, в углу, почти сливающийся со стеной, стоял старый чулан. Он был всегда заперт и Эрик помнил, как мать пробовала открыть его, но ключа так и не нашли. Он уже собирался двинуться в сторону своей комнаты как вдруг остановился. Ручка чулана дернулась. Он застыл. Секунда — и снова. Резкий, четкий толчок, словно кто-то по ту сторону дернул за нее изо всех сил. Потом снова. Ручка затряслась с нарастающей яростью. Дверь дрогнула, но не открылась. Было слышно, как что-то слабо царапает изнутри. Или кто-то.

Эрик не мог отвести взгляда от ручки. Пальцы у него стиснули подлокотники кресла. Он ощущал, как в груди нарастает не просто страх — это было что-то глубже, первобытное, как будто разум сам знал, что за этой дверью не должно быть никого. И всё же он не мог отвести взгляда. Ручка на двери снова дернулась — уже почти яростно. Эрик не знал, сколько времени он сидел, не двигаясь, как будто парализованный не травмой, а страхом. Его дыхание стало поверхностным, сердце стучало где-то в горле. И тут громкий, пронзительный звонок телефона разрезал тишину, заставив Эрика вздрогнуть. Он чуть не уронил пульт подъёмника. Телефон звонил внизу, в гостиной. Механически он развернул кресло и направился обратно к подъёмнику. Ручка за спиной снова дернулась. Но он не оглянулся. Он спустился как мог быстро — и схватил трубку.

— Алло? Мама? — в голосе его была тревога

— Эрик? — голос Грейс был теплый, как всегда, но сразу же насторожился. — Ты в порядке? У тебя голос Ты дрожишь. Что случилось?

Эрик сглотнул. Несколько секунд молчал, подбирая слова. Он слышал, как в трубке мать затаила дыхание — она всегда чувствовала его состояние.

— Мам — выдохнул он. — Мне кажется в доме кто-то есть.

— Что? Как? Ты же один?

— Был или думал, что один, — он сжал трубку крепче. — На втором этаже, в чулане... Дверь дергалась. Как будто кто-то заперт внутри.

Секунда тишины на том конце.

— Ты с ума меня сведешь Эрик, ты уверен, что это не ветер?

— Мам, я видел, как дергалась ручка. Слышал, как царапали изнутри. Это не ветер. Это было живое. — голос его сорвался.

Грейс замолчала, и когда заговорила снова, в её голосе уже звучало беспокойство.

— Хорошо. Слушай. Я сейчас же выезжаю. Не вздумай подниматься туда снова, слышишь? Я буду минут через двадцать.

Эрик кивнул, будто она могла его видеть.

— Хорошо..Просто поторопись, ладно?

— Уже еду.

Глава 3

Грейс стояла у двери старого чулана. Её пальцы обхватили холодную латунную ручку, она потянула сначала аккуратно, потом с усилием. Дверь не поддавалась. Старый замок был надёжным, почти намертво вросший в дерево. Она нахмурилась, затем прислушалась — внутри было тихо. Позади неё, у стены, Эрик сидел в своём кресле, не отводя от матери взгляда. Тусклый свет лампы над дверью падал сверху, отбрасывая на пол их длинные тени.

— Она не открывается, — сказала Грейс, бросив взгляд на сына. — Но там — она приложила ухо к двери, — сейчас тишина. Абсолютная.

Эрик кивнул, но глаза его были напряжены, словно он всё ещё видел, как дергалась ручка.

— Я видел, мам. Это не было моим воображением. Видел как дергалась ручка, и я слышал шорох..словно кто-то царапает изнутри.

Грейс подошла к нему и присела на корточки, положив руки ему на колени. Её голос стал мягким, почти умоляющим.

— Послушай, может, ты просто испугался. Ты был один, наверху, в темноте. В этом доме всё старое, всё скрипит. Такие места легко играют с воображением.

— Это не было воображением—ответил Эрик и отвел взгляд в сторону.

Грейс немного помолчала. Потом снова посмотрела на дверь.

— А может, это просто было животное. Скажем крыса, енот или кошка. Могло забраться через чердак или вентиляцию, спрятаться здесь, а потом начало метаться. Такое ведь возможно, правда?

— Животное не дёргает ручку, как человек, — ответил Эрик

Грейс нахмурилась. Она была потрясена, но старалась держаться. Не потому что не верила ему она просто не хотела, чтобы он чувствовал себя сломленным и уязвимым. И потому пыталась найти хоть какое-то рациональное объяснение.

— Слушай, завтра днём мы вызовем слесаря. Вскроем этот замок, посмотрим, что там. Но сегодня давай просто спустимся и ты можешь переночевать в гостиной, если тебе так будет спокойнее.

— А что если завтра уже ничего не будет? Что если оно выйдет раньше?

Грейс стиснула губы. Она не знала, что на это ответить.

На кухне свет лампы на потолке отбрасывал тени, наполняя пространство спокойствием и уютом. На плите что-то тихо булькало, а запах куриного рагу с картофелем напоминал о чём-то простом и давно забытом — о том времени, когда ужин был просто ужином, а не передышкой между тревогами. Грейс сервировала стол: две тарелки, ложки, тёплый хлеб, немного зелени на краю блюда, все как она любила. Она старалась делать всё по привычке — медленно, размеренно, будто пытаясь удержать хоть какую-то нормальность. Эрик сидел напротив, ел молча, не торопясь. Кусочек за кусочком. Он не смотрел на мать, не поднимал глаз —мысленно всё ещё был там, на втором этаже у двери.

— Тебе добавить? — спросила Грейс, слишком мягко, как будто разговаривала не с четырнадцатилетним сыном, а с маленьким мальчиком.

— Нет, спасибо. Было вкусно, — ответил он отодвинув пустую тарелку от себя.

После ужина он поблагодарил её и покатил в сторону своей комнаты. Колёса кресла поскрипывали по полу, и этот звук постоянно эхом отдавался в груди Грейс.

В своей комнате Эрик остановился у кровати, перевалился с кресла на матрас, медленно, словно с болью в движениях. Он лёг на спину и уставился в потолок. Мысли кружились вокруг одной точки — ручка, дверь, звук. Всё снова и снова, как заевшая плёнка. Он не замечал, что

за дверью кто-то стоит. Мать стояла в коридоре, в полумраке. Приоткрытая дверь комнаты сына позволяла ей видеть его — неподвижного и молчаливого.

Эрик лежал так, будто тело его стало просто сосудом, в котором что-то угасает. Он даже не поворачивал головы. Только смотрел в потолок и это молчание ранило её сильнее, чем любые крики. Она простояла пару минут затем тихо отошла, спустилась в гостиную и прислонилась к холодной стене. Её руки и губы дрожали. И наконец, когда больше не осталось сил держаться, она закрыла глаза и позволила себе рухнуть. Грейс соскользнула по стене, опустившись на пол и обняв колени. Слезы как осенний дождь хлынули. Она плакала за сына. За его сломанное тело. За страх в его глазах. За то, что не могла быть ему ногами, крыльями и защитой. За то, что всё это не должно было случиться. И за то, что оно всё ещё продолжало случаться.

Глава 4

Дождь хлестал по окнам, струи стекали по стеклу, будто мир за пределами дома плакал вместе с Грейс. Утром Эрик проснулся от стука капель по подоконнику. Несколько минут он просто лежал, вслушиваясь, глядя в потолок, как накануне вечером. Затем натянув на себя свитер и брюки он с усилием перекатился в кресло и направился к двери.

На кухне Грейс стояла у плиты. Из кастрюли поднимался пар — она варила овсянку с яблоками и корицей, запах наполнял дом, придавая ему тепло, которого не хватало в этих промозглых стенах. На столе уже лежали тосты, варенье, нарезанные фрукты. Ради Эрика она старалась всё делать “по-нормальному”, даже когда нормальность казалась далёкой и ненастоящей.

— Доброе утро, — сказал он, въезжая в кухню.

Грейс обернулась и улыбнулась сыну

— Утро доброе, солнышко. Как спалось?

— Так себе. Дождь разбудил.

— Дождь — это к очищению, — сказала она, накладывая ему овсянку. — А может, просто чтоб мы не забывали, что мир снаружи тоже умеет плакать.

Они приступили к завтраку. Несколько минут ели молча. В голове у Эрика все еще звучали шаги, и рука, дергающая ручку двери.

— Мам, а что насчёт той двери? — наконец спросил он.

Грейс отложила ложку.

— Да, я помню. Сейчас мы позавтракаем и я позвоню моей подруге Лауре, она проживает с мужем в городе давно и должна знать хорошего слесаря.

— Передай также, чтобы слесарь взял что-нибудь для ловли животных. Если ты всё ещё думаешь, что это крыса.

Грейс кивнула.

— Я скажу, не переживай-улыбнувшись ответила мать и накрыла своей рукой руку сына.

Позже, уже в гостиной, она достала телефон, набрала номер. Через пару гудков ответила женщина с хрипотцой и тёплым голосом.

-Да?

— Ало? Лаура? Привет. Это Грейс.

— Привет Грейс! Ты как? Всё хорошо?-послышалось на другом конце телефона.

— Более-менее Слушай, мне срочно нужен слесарь на завтра. У нас в доме есть старый чулан на втором этаже, он заперт, и вчера Эрик услышал, как там кто-то дергал ручку. Мы подумали.. может, животное забралось. Я пыталась открыть дверь и вчера и еще тогда, когда мы переехали, но дверь не поддается.

— Хм. Думаешь, что-то завелось?

— Может крыса, еотне знаю. Но ручка дергалась.. Как будто кто-то хотел выйти. — голос Грейс слегка дрогнул, но она взяла себя в руки. — Ты не могла бы попросить мужа найти нам слесаря? Ты же знаешь мы тут совсем недавно и я в этом городе не знаю хороших специалистов.. И пусть захватит крысоловку или что-нибудь подобное. На всякий случай.

— Конечно. Я передам мужу. Мы найдем для вас хорошего слесаря. Я напишу в сообщении.

— Спасибо, Лаура. Правда.. Очень выручишь.

— Всё будет хорошо, не переживай. Я решу этот вопрос. Грейс медленно положила трубку и на мгновение застыла в тишине, вслушиваясь в шум дождя за окном. Серые струи не унимались, стекали по стеклу, словно бесконечный поток мыслей. Спустя минуту она поднялась, переоделась и накинула дождевик, готовясь выйти в мокрый мир. Прежде чем покинуть дом,

Грейс подошла к Эрику: он сидел у окна, не отрывая взгляда от улицы, где ливень размывал очертания домов, а деревья в саду гнулись под порывами ветра.

— Эрик, я уезжаю на час, — сказала она тихо, кладя руку на его плечо. — Но не переживай, я вернусь быстро, а завтра я возьму выходной. Слесарь приедет, и мы с тобой всё посмотрим. Я обещаю, разберёмся.

Эрик повернул голову и посмотрел на неё. Его глаза были усталыми, а выражение лица напряженным, будто ему всё ещё не давала покоя мысль о том, что он слышал за дверью.

— Мам, ты осторожно там, ладно? — сказал он, не встречаясь с её взглядом.

Грейс мягко улыбнулась.

— Не переживай. Я буду аккуратной. Всё будет хорошо, Эрик. Я тебя люблю, — она наклонилась, чтобы поцеловать его в лоб, и ещё раз прикоснулась к его плечу.

Он слегка вздрогнул от её прикосновения, но затем, наконец, улыбнулся, хоть и слабой улыбкой.

— Я тоже тебя люблю, мам.

Она пошла к двери, но перед тем как выйти, оглянулась.

— Завтра всё разрешится, — добавила она, больше для себя, чем для него.

И с этими словами, с её быстрыми шагами и шумом дождя, она ушла. Эрик остался в тишине, в гостиной. Всё казалось настолько странным и хрупким, что, даже понимая, что мать скоро вернется, он не мог отделаться от мысли, что что-то ещё продолжает скрываться в тени.

Была суббота. Обычно в этот день Грейс оставалась дома — убиралась, готовила, читала, просто проводила время с Эриком, но сегодня её вызвали на час — срочный вопрос на работе, который нельзя было отложить. Она не хотела уезжать ни на минуту, но обещала, что быстро вернется. Слесарь будет утром, и они разберутся вместе. Завтра. Только бы дожить до завтра.

Машина скользила по мокрому асфальту. Дождь не прекращался — стеклоочистители ритмично скребли по лобовому стеклу, оставляя за собой прозрачные полосы на фоне размытых огней и серых силуэтов деревьев. Шины шипели по лужам. Мир был невыразимо сер, как будто сам день растворился в воде и тревоге.

Грейс ехала медленно, осторожно, обеими руками держала руль, взгляд был сосредоточен, почти застывший. Каждую секунду она сверяла траекторию, притормаживала заранее, следила за встречными машинами и поворотами. Память, как незажившая рана, снова и снова воскресала тот самый день. День, когда всё изменилось.

Машина въехала на пустую улицу. Всё вокруг казалось зыбким — серый мир в воде и каплях на стекле. А внутри было только одно: страх. За сына, за ту дверь, за неизвестность, что притаилась в темноте старого дома.

Она выдохнула, будто стараясь выдавить из груди всё это.

— Я вернусь — сказала она вслух, словно обещание. — Скоро.

Грейс свернула с главной дороги на узкую улочку, ведущую к небольшому зданию прачечной. Сквозь лобовое стекло виднелась вывеска, знакомая до боли: “Clean & Clear — Прачечная и Химчистка”. Здесь она работала администратором уже почти два года — с тех самых пор, как ушла из медицины после смерти мужа. Прачечная казалась тихим уголком, где всё шло по четкому циклу: приём — стирка — упаковка — выдача. Машины гудели, пар клубился, ткани развешивали так на рейках. Здесь она не спасала жизни. Здесь она просто существовала.

Грейс въехала на парковку, едва успев увернуться от фигуры, метнувшись перед её машиной.

— Чёрт! — воскликнула она и резко ударила по тормозам. Машина взвизгнула, остановившись буквально в метре от мужчины в светлой рубашке нараспашку, белой футболке и чёрных джинсах, с папкой в руках.

Он тоже замер, а потом, улыбаясь, обернулся к ней. Рыжие взлохмаченные волосы, лицо — вечно чуть обгоревшее, веснушки на скулах. Маркус.

— Вот это я выскочил, — сказал он, подняв руку в жесте извинения. — Прости, Грейс, задумался.

Она выскочила из машины, сердце колотилось.

— Ты совсем с ума сошёл?! Я же могла тебя сбить!

— Я знаю, — он мягко рассмеялся, будто ситуация вовсе не была такой уж опасной. — Но это я виноват. Сам на дорогу выскочил как кот.

Грейс пыталась отдышаться. Она прижала руку к груди, чувствуя, как бешено стучит сердце.

— Да просто ты напомнил мне, как хрупко всё может быть, — ответила она.

Маркус на секунду стал серьёзным. Он знал про Эрика и мужа, но никогда не давил, никогда не задавал лишних вопросов.

— Ты держисься молодцом, Грейс, — сказал он тепло. — Даже в дождь, даже в стрессе. Я рад тебя видеть.

Она посмотрела на него — в его взгляде не было жалости. Только теплая, немного неловкая симпатия. Он был на пару лет моложе, работал здесь менеджером, носил всегда рубашки, которые мял сразу после глажки, и варил самый отвратный кофе в офисе, но был добрым и равнодушным.

— Пойдём уже внутрь, пока нас обоих не смыло, — сказала она услышав грозу и пряча дрожь в голосе.

Маркус отступил в сторону, приоткрыл дверь.

— После вас, мисс “Тормоза на вес золота”.-шутливо ответил Маркус

Она усмехнулась и секунду напряжение внутри отступило — ненадолго, но ощутимо.

Глава 5

Грейс сидела за столом в офисной части прачечной — небольшой, перегороженной перегородкой зоне с окном в зал, где работали машины. Перед ней лежали бланки: графики, накладные, квитанции. Она ставила подписи, делала пометки карандашом, автоматически проверяя штампы и даты. Рядом стояла Лина, молодая сменщица, с которой они обсуждали новую систему учета — Грейс объясняла, как заполнять электронные формы.

— Главное не забывай прикладывать копии договоров, — спокойно говорила она, бегло просматривая очередную страницу. — Мы однажды пропустили, и клиент потом вернулся с претензией. Лучше перестраховаться.

Лина что-то кивала, отвечала, но Грейс ловила себя на том, что слушает вполуха. Её взгляд то и дело соскальзывал в стеклянную перегородку. Снаружи, в зале, Маркус стоял у промышленной сушилки, разговаривая с представителями поставщика. Он показывал им старую технику, тыкал в какие-то кнопки, размахивал документами. Рыжие волосы были еще слегка влажными от дождя, и в них все еще застряли две крошечные капли. Веснушки, немного небритая щетина. Типичный итальянец с открытым лицом, тёплым, немного дерзким взглядом. И в этом взгляде было что-то юношеское, несмотря на возраст.

Грейс мельком посмотрела на него — лишь на секунду. И в тот самый момент Маркус поднял глаза. Их взгляды встретились. Он чуть наклонил голову и легко, почти незаметно, улыбнулся. Улыбка была искренняя, не флиртующая — просто теплая. Как будто он сказал “я тебя вижу. ты не одна.” Грейс тут же отвернулась, опустив глаза в бумаги, будто кто-то только что открыл окно, и внутрь ворвался холодный воздух. Щеки вспыхнули. Она сосредоточенно начала ставить галочки, хотя сама не понимала, что именно проверяет.

— Всё понятно? — спросила она у Лины, чуть хрипловато, будто голос предал.

— Да вы красная какая-то, всё в порядке? — удивленно спросила та.

Грейс натянуто улыбнулась.

— Просто жарко. Эти лампы — она указала на настольные лампы — как на допросе.

И снова к бумагам. К цифрам. К графикам. Но в голове всё равно пульсировало ощущение взгляда. Того, в котором не было ни давления, ни притворства. Только легкий, осторожный интерес.

Час спустя Грейс вышла из здания прачечной, асфальт был еще влажным. Дождь только что закончился — небо все еще хмурилось, но капли уже не падали. На парковке стояли лужи, отражая серые облака и свет вывески, которая будто дрожала в воде. Она открыла сумку, достала ключи от машины. Щелкнул замок. Её пальцы были немного напряжены — не от холода, а от того, что день всё ещё не отпускал её из своих цепких, нервных объятий. Мысли были с Эриком. С этим странным домом. С той дверью.

— Грейс! — раздался голос позади.

Она обернулась. Маркус стоял в нескольких шагах, засунув руки в карманы джинс.. На лице — та самая полуулыбка, знакомая до мельчайших деталей.

— Подброшу тебя? — спросил он, подходя ближе. — Или может, ужин? Где-нибудь поблизости. Что-то простое..без драмы.

Он говорил легко, стараясь быть ненавязчивым, но в голосе всё равно чувствовалось напряжение. Он ожидал отказа, он привык к её отказам,но почему-то всё равно спрашивал. Грейс сжала ключ в руке. Повернулась к машине, потом обратно к нему. На секунду она будто колебалась между двумя мирами. Между тем, где она была просто женщиной, которой сделали предложение поужинать. И тем, где она — мать, живущая в тревоге, с сыном в доме, где что-то не так.

— Маркус — сказала она, голос чуть дрогнул. — Ты ты хороший. И я наверное, в другой ситуации

Он молча кивнул, не дожидаясь окончания фразы.

— Всё понял.

— Нет, не так, — она взглянула на него, впервые честно. — Я хочу. Правда. Просто сейчас мой сын. Я не могу думать о чём-то ещё. Ни о чём, кроме него.. И дома есть проблемы, я тебе рассказывала сегодня.

Он осмысленно кивнул.

— Я не требую. Просто хотел, чтобы ты знала ты всегда можешь положиться на меня, если будет нужна моя помощь, то знай я рядом.

Она слабо улыбнулась.

— Спасибо, Маркус.

Между ними повисло молчание — не враждебное, но плотное, насыщенное всем, что осталось несказанным. Потом она открыла дверь машины.

— Береги себя, Грейс, — тихо сказал он.

— Ты тоже, — ответила она и села за руль.

Когда машина завелась и она выехала с парковки, в зеркале заднего вида Маркус всё ещё стоял там. Один. Среди луж и неразговорённого вечера. Машина тихо катится по вечерней дороге. Асфальт блестит под фонарями — влажный, как стекло, отражает небо и пустоту улиц. В салоне — полнейшая тишина, даже радио выключено. Только звук двигателя и дождь, ещё не до конца высохший с лобового стекла, отзываются в пространстве, где сейчас есть только она — Грейс. Руки на руле сжаты чуть крепче, чем нужно, ногти впиваются в ладони. Она смотрит прямо, но взгляд её как будто проходит сквозь дорогу — в никуда, в какие-то другие пространства, где всё могло бы быть иначе.

В груди нарастает ком. Он предложил поужинать, он просто хотел быть рядом. И она почти захотела. Её сердце откликнулось. На секунду — пусть робко, пусть испуганно, но отозвалось. И тут же отступило. Я не могу. Я не должна. У меня сын. У меня этот страх. Этот дом. Всё сломано. Губы дрожат. Веки слегка подрагивают. Грейс моргает чаще обычного, стараясь не дать слезам пролиться. Она не может позволить себе плакать. Не за рулём. Не сейчас. Но внутри — разрывает. Я больше не женщина. Я просто мать. Опора. Щит. Стена. Пустая нелюбимая. И, наверное, уже никогда не буду. Она вспоминает, как раньше ощущала себя — живой, красивой, желанной. Когда муж смотрел на неё так, будто мир был целиком ради неё. Как он касался ее руки, как смеялся, когда она злилась. Всё это исчезло в один момент — и с тех пор она как будто осталась тенью той, кем была. Кто теперь захочет это? Эту усталость, эти тени под глазами, это бесконечное «прости, но мне надо домой» Слеза всё же прорывается и скатывается по щеке. Она быстро стирает её рукавом.

— Хватит, — шепчет она себе. — Хватит, Грейс. Соберись.

Но внутри нет сил. Только бескрайняя, выматывающая тоска. И машина едет дальше — через темнеющий вечер, в сторону дома, где её ждёт сын и дверь, за которой кто-то дергает ручку. И ночь, которую нужно пережить.

Дверь с глухим щелчком открылась, и Грейс буквально влетела в дом, захлопнув её за собой так, что стёкла чуть дрогнули. Воздух внутри был застоявшийся, чуть влажный, и от этого всё казалось ещё тяжелее. Сумка упала на пол, дождевик остался висеть на плечах, но она даже не подумала снять его сразу.

Глаза еще немного влажные и красноватые. Она остановилась напротив зеркала в прихожей, бросив на себя короткий взгляд и тут же отвернулась. Нет, не сейчас, не так.

— Эрик? — позвала она, голос сорвался. — Эрик, я дома!

Ответа не было.

Сердце тревожно екнуло. Она сделала пару шагов вперёд, ботинки глухо простучали по полу.

— Эрик?!

Только тогда она увидела его.

Он был в зале. Словно прятался от кого то. Сидел не в кресле, а за ним на полу возле стены почти сжавшись в комок, словно хотел стать частью стены, исчезнуть. Кресло наклонено, как щит, словно оно могло защитить. Он обхватил себя руками, колени подтянуты, тело дрожит, а в глазах паника и страх. Он не плакал, но был на грани — весь сжался, будто от страха перед чем-то невидимым и не реальным.

— Эрик?! — Грейс подбежала и упала на колени рядом. — Господи, Эрик, что случилось?

Он не сразу заговорил. Его тело дрожало, глаза метались. Он будто проверял — точно ли это она, точно ли здесь?

— Мам мама — прохрипел он, голос тихий, сдавленный. — Он там снова кто-то

— Где? — она схватила его лицо, заставляя посмотреть в глаза. — Где, Эрик?

— На втором этаже шаги. Я..я слышал. Сначала тихо, потом прямо надо мной и и как будто кто-то ходит туда-сюда, потом замирает.

Он всхлипнул, попытался вытереть лицо, но руки дрожали. Грейс крепко прижала его к себе, обнимая, как в детстве, как когда он впервые упал и разбил коленку. Только теперь боль была совсем другой бесформенной и страшной.

— Всё хорошо, малыш. Всё хорошо Я с тобой. Я здесь, — шептала она, качая его на руках, как будто могла этим убаюкать его страх.

Глава 6

Осень вернулась к привычному ритму — тишина, прохлада и яркое, низкое солнце, вынырывающее из-за крон рыжеватых деревьев. Оно освещало всё вокруг мягким янтарным светом: облупившийся почтовый ящик, мокрый газон с опавшими листьями, капли, еще держащиеся на паутине, натянутой между перилами. Асфальт у дома Грейс был всё ещё темным, влажным — как будто ночь только что ушла, оставив после себя след. Воздух был плотный, пахнувший землей и далёким дымом.

К дому уверенно подошёл мужчина лет шестидесяти трех, с аккуратной седой бородкой, в рабочем жилете поверх свитера и плотной рубашки. На нём были крепкие, чуть потертые джинсы, старые ботинки, и через плечо — тяжелая сумка с инструментами, ремнями, ключами и чем-то глухо развивающим при каждом шаге. Его движения были уверенными, но не спешными, будто он знал цену времени и тому, что идёт делать.

У крыльца он остановился, осмотрелся, будто оценивая дом — старый, но крепкий. Он прищурился от солнца, поправил очки на переносице и нажал кнопку звонка. Где-то в доме раздался негромкий, но отчетливый звон, а затем тишина. Мужчина покачался с пятки на носок и ждал, склонив голову в сторону, вслушиваясь в движение за дверью. На лице спокойствие, но в глазах интерес, а также легкое беспокойство, которое он не показывал. Ведь он уже слышал от Лауры, что тут не просто заело старый замок. На этот раз он приехал по вызову не только как слесарь, но и чтобы заглянуть за дверь за которую боятся заглядывать.

Дверь открылась с лёгким скрипом, и на пороге появилась Грейс растрепанная, полусонная, всё ещё словно находящаяся где-то между сном и явью. На ней был старый, любимый фланелевый халат. Волосы спутаны, глаза прищурены от солнечного света. Одной рукой она держалась за косяк двери, другой сонно потерла висок, где ещё тянуло от бессонницы.

— Да?..

— Доброе утро миссис Брукс, — поприветствовал мужчину ее с улыбкой. — Простите, если разбудил, но мы же вроде договаривались на девять тридцать? Вы разве не получали сообщение от Лауры?

— О, Господи — прошептала она, прикрывая лицо рукой. — Простите меня. Я совершенно я забыла. Я получила, конечно, вчера вечером.

— Да ничего страшного, — мужчина чуть отступил назад, давая ей пространство. — Я просто подумал, может что-то случилось. Я Том Хоффман, слесарь. Лаура говорила, что вы меня ждёте.

— Да-да Конечно, мистер Хоффман простите просто тяжёлая ночь. Я уснула под утро. — Грейс вздохнула, пригладила волосы. — Пожалуйста, проходите. Я сейчас приведу себя в порядок—ответила она и подошла к зеркалу расчесать волосы.

— Аа может сначала выпьем кофе? А потом уже с дверью разберёмся. Мне нужно хотя бы проснуться— с улыбкой предложила Грейс

— С удовольствием, — усмехнулся Том, — Кофе будет в самый раз.

Он поставил свою сумку у порога, снял куртку, а Грейс тем временем отправилась на кухню, всё ещё немного потерянная, но благодарная за его спокойствие. Он смотрел ей вслед с лёгкой улыбкой, но внутри уже чувствовал — этот дом хранит больше, чем просто запертый чулан. На кухне стояла тишина, прерываемая лишь ритмичным бульканьем кофемашины и лёгким скрипом старых половиц под ногами.

Утреннее солнце пробивалось сквозь окно и ложилось теплым пятном на стол, за которым сидели Том и Грейс. Она держала в руках кружку с горячим кофе и обхватила её пальцами, как будто пытаясь согреться не столько физически, сколько внутренне. В халате, с распушен-

ными волосами и почти без макияжа, она выглядела уязвимой и в её голосе звучала усталость перемешанная с решимостью.

— Этот дом в Вудстоке я с сыном снимаем уже около двух месяцев, — начала она, не глядя на Тома. — Мы нашли его через агентство. Нам тогда нужно было быстро съехать с предыдущего, и он показался уютным. Тихий район, свежий воздух. Я подумала, что это будет хорошо для сына.

Том кивнул, облокотившись на спинку стула. Он слушал внимательно, не перебивая.

— Сначала всё было нормально, — продолжила Грейс. — Но вот уже пару дней Эрик говорит, что слышит шаги. На втором этаже.. — она взглянула на Тома. — Я сначала подумала — дом старый, полы могут скрипеть, но он он напуган. Не просто встревожен он боится.

— И вы решили, что это может быть животное? — уточнил Том, глядя на нее поверх чашки.

— Да, — кивнула она, потирая лоб. — Возможно, крыса. Или что-то крупнее. Я попросила Лауру узнать, может ли кто-то принести с собой крысолову. Просто на всякий случай.

Том отставил кружку и сдержанно усмехнулся.

— Если это крыса, то у неё очень уверенная походка. Шаги это не совсем то, как ведут себя грызуны.

Грейс слабо улыбнулась, но в глазах у неё всё равно оставалась тревога.

— Просто мне нужно знать, что в этом доме нет ничего опасного. Эрик он не может бежать, не может защититься, а я — она замолчала, глядя в кружку, — я просто не могу позволить, чтобы он снова почувствовал себя уязвимым.

Том кивнул и мягко сказал:

— Мы посмотрим. Всё спокойно, шаг за шагом. Сначала кофе -он поднял кружку чуть вверх -а потом дверь дверь.

Лестница тихо скрипела под ногами, когда Грейс и Том начали подниматься на второй этаж. Дом словно еще не проснулся до конца только слабый свет скользил по стенам, отражаясь от стеклянных рам фотографий. Воздух наверху был прохладнее, и стояла напряженная тишина, как будто сам дом затаил дыхание. Грейс шла первой, поправляя на себе халат, Том следом, одной рукой придерживая сумку через плечо. Его взгляд скользил по стенам, по потолку, по полу — с опытной внимательностью человека, который привык замечать детали. Они почти достигли вершины лестницы, когда в дверях одной из комнат появился Эрик. Он был в своем теплом вязаном свитере том самом, что напоминал о холодающей осени. Волосы растрепаны, глаза еще немного сонные, но внимательные. Он держался руками за подлокотники кресла, слегка выехав из дверного проёма, чтобы посмотреть, кто поднимается. Том встретил его взгляд спокойно, почти буднично. Обычное человеческое внимание без жалости и без излишней учтивости. Просто взгляд взрослого, который привык ко всему.

— Доброе утро, — сказал Эрик, немного удивлённо глядя на незнакомца.

— Доброе, — коротко кивнул Том.

Грейс остановилась, обернулась к сыну и мягко сказала:

— Эрик, это мистер Хоффман. Он пришел помочь. Мы хотим, чтобы он осмотрел ту запертую дверь.

— Слесарь? — уточнил Эрик.

— И кое-что больше, — с лёгкой полуулыбкой добавил Том, — если потребуется.

Эрик слабо кивнул и медленно отъехал, освобождая проход. Он не отводил взгляда от Тома, будто пытался прочесть в нем, можно ли ему доверять. Тот ничего не сказал, просто прошёл мимо, как будто между ними было негласное мужское согласие: без лишних слов и церемоний. Грейс ещё раз взглянула на сына, провела рукой по его плечу и направилась дальше — к самому концу коридора, где уже начинала виднеться та самая дверь чулана.

Том опустился на колени надел налобный фонарь, достал инструменты и не спеша начал возиться с дверью, аккуратно поддевая край пластинкой, пробуя один за другим старые способы, — как будто не просто открывал замок, а расчищали заваленную временем тропу вглубь чего-то давно забытого. Грейс стояла рядом, наблюдая за его действиями, но больше, чем на замок, ее внимание теперь было приковано к самому Тому — к его спокойствию, к тому, с каким знанием он двигался по дому. Словно он уже бывал здесь.

— Мистер Хоффман — произнесла она осторожно, — а вы вы ведь давно живёте в этом городе, да?

Он кивнул, не отрываясь от замка.

— Всю жизнь. Родился в трёх кварталах отсюда, потом женился, переехал чуть дальше, но всё равно всегда возвращаюсь сюда. Знаю почти каждый дом в округе. И этот тоже.

Грейс бросила на него заинтересованный взгляд

— И вы знаете, кто тут жил раньше?

Том задержал дыхание на пару секунд, будто решая, стоит ли говорить, потом, всё же, ответил:

— Года два назад тут жила журналист Джоанна Морган с дочерью Эльзой.

— Сколько лет было девочке?

— Четырнадцать, когда всё закончилось. — Том медленно поднялся с одного колена и посмотрел на Грейс.

— Эльза с рождения была немой, но умная — продолжал Том — немного замкнутая, чувствительная. Говорят, она видела разные вещи, миры, места которых не существует. А может и существуют просто не для нас.

Грейс не сводила с него глаз, словно не веря, что слышит. Том продолжал работать.

— И что же с ней произошло? — с любопытством поинтересовалась Грейс

— Врачи говорили о шизофрении, хотя те, кто знал её ближе, сомневались. Эльза могла часами стоять у окна, смотреть в пустоту и улыбаться. Иногда начинала рисовать дикие рисунки, линии, символы, порталы. Стены её комнаты были исписаны.

— Господи — прошептала Грейс, чувствуя, как холод проникает под кожу.

— Джоанна пыталась бороться, лечить, но все безрезультатно, а потом тело Эльзы нашли на крыльце, под дверью дома, словно она просто вышла из дома и умерла.

— А что случилось? От чего умерла девочка?

Том не ответил сразу. Потом сухо сказал:

— Никто не знает. Следов насилия не было. У нее просто остановилось сердце.

Грейс сглотнула. Ее пальцы сжались.

— А Джоанна?

— Через две недели ее нашли повешенной в лесу на дереве недалеко от Вудстока. При ней была записка „Я слышу ее по ночам,,

Повисла пауза. Том снова посмотрел на Грейс.

— И после этого дом стоял пустым. До вас.

Грейс молчала, ощущая, как стены вокруг будто стали ближе. В другом конце коридора у окна сидел Эрик разговора их он не слышал, а был погружен в свои мысли и смотрел в ветви дерева словно пытался разглядеть нечто невидимое для других.

Том глубоко вдохнул, проверил замок еще раз.

— Ну все, теперь можем открывать, — сказал он негромко.

С глухим щелчком замок поддался и металл, хранивший тайну, наконец сдался под нажимом времени и рук, знающих, как обращаться с тишиной. Дверь дрогнула, и Том, не выражая ни удивления, ни торжества, просто взялся за ручку и медленно её открыл. Скрип был долгим, почти болезненным — будто дом не хотел открывать то, что столько лет хранил в темноте. Грейс невольно отступила на шаг, её глаза расширились, лицо побледнело.

Что-то в этом темном проеме заставляло сердце биться быстрее, словно там внутри стояла сама пустота. Том смотрел в открывшуюся тьму без эмоций. Его лицо не дрогнуло. Он шагнул внутрь — медленно и уверенно, как человек, который не боится ни прошлого, ни того, что могло здесь остаться.

— Здесь — пробормотал он, нащупывая стену рукой.

Грейс задержала дыхание. Щелчок. Свет зажегся — тусклый, жёлтый, будто дрожащий от напряжения. Старая лампа на потолке слабо осветила комнату примерно пятнадцать квадратных метров. Пыльные полки вдоль стен, сломанный письменный стол в углу, заваленный старыми коробками и на стене странные рисунки. Блеклые и выцветшие от времени, но с четкими линиями, будто выжженные на древесине. Завихрения, круги, символы словно странный алфавит, понятный лишь тому, кто его создал. Грейс еще стояла за порогом, она на не могла объяснить, почему, но эта комната напоминала ей не просто склад или чулан. В ней было что-то иное. Что-то, что трепетало в воздухе, как эхо чьего-то взгляда.

Том медленно огляделся, взглянул на символы. Грейс вошла в помещение.

— Эльзу тут не держали, — произнёс он, больше себе, чем кому-то. — Но кажется, она проводила здесь много времени слишком много.

Грейс лишь кивнула, её пальцы мерзли, она ощутила, что температура в помещении на несколько градусов меньше, чем в доме. Она чувствовала, как будто комната дышит — ровно, как человек, который не спал, а ждал.

Дверь открывалась внутрь, и когда Тот подошел к двери, он задержался у края — будто что-то не давало ему покоя. Его глаза метнулись к стене за дверью, а потом выше, туда, куда не сразу падает взгляд.

— Пойдите — пробормотал он, и шагнул к углу, где за притолокой пряталась старая форточка, утопленная в стене, почти на уровне головы взрослого человека. Она была приоткрыта — совсем чуть-чуть, не шире ладони, но этого было достаточно.

— Ах вот оно что!.. — воскликнул Том, резко вскинув руку к створке.

В голосе прозвучала неожиданная смесь облегчения и удовлетворения, как у человека, только что нашедшего ответ на загадку, мучившую часами. Грейс вздрогнула от его восклицания и подошла ближе, заглянув через плечо. Когда она увидела форточку, её плечи сразу расслабились. Лёгкий выдох вырвался сам собой — словно напряжение, сжатое в груди, наконец нашло выход.

— Так вот почему — тихо сказала она. — Через неё вполне могла попасть птица или белка или что-то ещё. Маленькое и пугливое. Возможно испугавшись начало метаться, задело что-то, уронило.

Она не смотрела на Тома — просто говорила, глядя на приоткрытую щель, будто сама убеждала себя в правдоподобии. Голос ее дрожал, но не от страха — от попытки вернуть реальность на место.

— Значит, всё остальное — она на миг закрыла глаза, — просто фантазии Эрика.

Том посмотрел на неё сдержанно и спокойно. Он не сказал ни слова, лишь мягко закрыл форточку, аккуратно прижав старую защелку. Щелчок прозвучал почти как точка в конце предложения. И всё же, даже после этого, помещение не стало казаться обычным.

— Эрик, найди, — мягко позвала Грейс, повернув голову к коридору.

Спустя пару секунд послышался гул моторов инвалидной коляски, и Эрик медленно заехал в чулан. Его глаза были настороженными, но не испуганными. Он осматривался внимательно, будто пытаясь прочесть в этой пыльной тишине ответ на вопрос, который мучил его несколько дней.

— Вот, — сказала Грейс, указав рукой на уже закрытую форточку на стене. — Видишь? Эрик поднял взгляд на форточку. Грейс подошла ближе и коснулась его плеча.

— Скорее всего, кто-то залетел сюда — птица, а может и проник зверёк. Вчера была гроза, они нередко ищут, где спрятаться. Шорохи, скрипы ты же знаешь, как воображение может разыграться, особенно ночью.

Эрик молча кивнул. Он не выглядел убежденным, но и не стал спорить. Его взгляд скользил по комнате — по высоким, пыльным полкам, уставленным книгами в плотных старых переплетах. Многим из них, казалось, было больше полувека. Некоторые книги были в стопках, словно кто-то в спешке убирал их. Бумага пожелтела, обложки растрепались.

— Это было как библиотека, — тихо сказал он, будто сам себе.

Грейс ничего не ответила, а просто следила за ним, боясь спугнуть тот момент, когда его страх отступал перед любопытством. Том опустился на колени и начал аккуратно заменять старый, ржавый замок на новый, блестящий. На лбу всё ещё горел налобный фонарь, вычерчивая в воздухе световые круги.

— С новым замком таких ночных тревог больше не будет, — сказал он, не отрываясь от дела. — Будет плотно и надежно.

Эрик продолжал смотреть на пыльные корешки книг, а Грейс украдкой следила за ним — теперь уже не с тревогой, а с надеждой.

— На всякий случай у меня с собой есть крысоловка простая, но надежная. Поставлю её здесь, у стены, — он указал на угол, ближе к полке с книгами. — Приманка внутри, если кто-то будет бегать по ночам — поймается.

— Спасибо, мистер Хоффман. Это правда важно, — тихо сказала Грейс, глядя на Эрика, который так и стоял немного поодаль, всё ещё не до конца отпуская свой страх.

— Всё нормально, парень, — обернулся к нему Том, подмигнув. — Пугающие звуки не всегда означают призраков иногда это просто хвостатые гости.

Том застегнул сумку с инструментами, выпрямился и провел ладонью по пояснице — мышцы немного ныли, но он был доволен работой. Замок теперь был надёжным, форточка закрыта, а дверь больше не скрипела.

Грейс проводила его до входной двери, и когда они оба вышли на крыльцо, прохладный осенний воздух обдал их лица. Лужи у дома еще не до конца высохли после недавнего дождя и сырость впиталась в доски на крыльце под ногами Грейс.

— Еще раз спасибо, мистер, — сказала Грейс, искренне, с тёплой улыбкой. — За всё. Не только за дверь.

Том лишь кивнул, сдержанно, по-мужски.

— Рад был помочь. Если что — номер у вас есть.

В воздухе повисла короткая пауза — не неловкая, но будто наполненная чем-то большим, чем слова. Грейс вдруг опустила взгляд и машинально шагнула назад, будто что-то почувствовала под ногами. Старая ступенька слегка скрипнула.

— Это здесь? — прошептала она, не поднимая головы, — именно здесь нашли Эльзу?

Том помолчал. Потом посмотрел туда же, где стояла она. Его лицо не изменилось, но в голосе прозвучала некая мягкость.

— Да. Прямо у этой двери. Джоанна нашла её на рассвете. Она она лежала так спокойно, будто просто уснула.

Грейс сжала губы, но не ответила. Она вдруг поняла, как тишина вокруг стала осязаемой. Ни ветра, ни птиц — только они и этот дом, с его призрачной, нерассказанной болью.

— Всё изменилось с тех пор, — добавил Том. — Но дом он помнит.

Он не сказал «береги себя» или «до свидания». Просто слегка кивнул и спустился с крыльца, направляясь к своей машине. А Грейс осталась стоять у двери, будто пыталась прислушаться к шагам, что звучали в этом доме.

Глава 7

После всех утренних волнений день потёк тише — как осенний ручей, вяло бегущий по камням. Эрик, утомленный событиями, устроился в зале у окна. Он читал книгу, держа её на коленях, пока золотистый свет солнца медленно скользил по страницам. Где-то на середине главы веки стали тяжёлыми, и вскоре он заснул, его дыхание стало ровным, почти детским.

Книга соскользнула на подлокотник кресла. Грейс, увидев его спящим, чуть улыбнулась. Она подошла бесшумно, как могла, и аккуратно накрыла его лёгким тёплым пледом. Несколько секунд она стояла над ним, глядя на сына с такой нежностью, будто хотела прикосновением защитить его даже во сне. Затем развернулась и направилась на кухню.

На кухне стоял аромат специй, что-то жарилось на сковороде. Грейс уже нарезала лук, думая о простом ужине, когда в доме раздался звонок в дверь. Она замерла на секунду. Затем вытерла руки о фартук и пошла в прихожую. Открыв дверь её сердце на мгновение сделало скачок. На пороге стоял Маркус. В руках — свежие осенние цветы в бумажной обертке и бутылка красного вина с золотистым горлышком. Он был в тёмном пальто, слегка взъерошенный, с лёгкой, мягкой улыбкой, от которой становилось теплее.

— Привет, — сказал он. — Я подумал, может, стоит попытаться еще раз.

Грейс не сразу нашла слова. Ее дыхание прервалось — радость и легкое волнение вспыхнули в груди неожиданным теплом. Она не знала, что сказать. Не знала, что делать. Её губы растянулись в ответной, немного растерянной улыбке.

— Ты решил прийти?

— Решил рискнуть, — ответил он, подняв чуть выше цветы.

Она не могла не почувствовать, как что-то внутри дрогнуло. Как будто кто-то аккуратно снял замок с давно закрытой дверцы в её душе. И всё же тревожный голос внутри напоминал о сыне, о том, что дом еще не отпустил свои тени. Но в этот момент, глядя на Маркуса, она позволила себе на секунду просто быть женщиной, а не только матерью.

— Заходи, — тихо сказала она.

Маркус вошел, аккуратно повесил пальто и поставил бутылку и цветы на тумбу у входа. На нём был тот же легкий парфюм, что она помнила с работы — свежий, с нотками цитруса и мускуса. Грейс почувствовала, как на секунду заполнилось всё пространство этим запахом, и ей захотелось забыться хотя бы на вечер.

— Ты готовила ужин? — спросил он, прислушиваясь к тихому потрескиванию сковороды на кухне.

— Да ничего необычного. — она замялась, поправляя волосы за ухо. — Я не ожидала гостей, но вино к этому подойдет.

— Тогда я не зря пришёл, — с улыбкой сказал он.

Они прошли на кухню. Грейс поставила букет в высокую вазу, предварительно налив туда воды, а Маркус снял пробку с бутылки. Звук — мягкий хлопок — словно дал разрешение этому вечеру начаться.

— Эрик спит? — спросил он, разливая вино по бокалам.

— Даи наверное это к лучшему. Он очень ревнив — Грейс поставила тарелки на стол. — Он сильный. Но иногда мне кажется, что это лишь маска, которую он носит для меня.

Маркус сел напротив. Его взгляд стал серьезнее.

— Ты тоже носишь маску, Грейс.

Она не ответила сразу. Лишь взяла в руки бокал, глядя, как свет скользит по рубиновому вину.

— А может, мы просто учимся дышать под водой каждый по-своему.

Он кивнул.

— Тогда я надеюсь, что хоть этот вечер — глоток воздуха.

Они чокнулись тихо и осторожно словно боялись разбудить призраков, спящих где-то в темноте этого дома. Грейс поставила кастрюлю с рагу на середину стола, аромат лавра и тушеных овощей наполнял кухню уютом.

Маркус уже наливал второй бокал вина, и между ними постепенно растворялась неловкость.

— Это вкусно пахнет, — заметил он, глядя, как она раскладывает ужин по тарелкам.

— Это старый семейный рецепт. Мой муж обожал это блюдо — голос её немного дрогнул, но она тут же взяла себя в руки и добавила: — Эрик тоже любит.

Маркус кивнул, с уважением приняв её честность, но не углубляясь в воспоминания, которые, казалось, еще слишком свежи.

— Уютно у вас, — сказал он после короткой паузы оглядывая кухню.

Грейс опустила взгляд, пробуя рагу. Несколько секунд — и она подняла глаза, в которых вспыхнула теплая искра.

— Ты не представляешь, сколько усилий уходит на то, чтобы сохранить этот уют. Чтобы не сойти с ума.

Маркус поставил вилку, посмотрел на неё внимательно:

— Я представляю. И, знаешь ты справляешься.

Затем они ели молча несколько минут, слушая, как за окнами шелестит ветер в кронах мокрых деревьев. Маркус налил им еще вина.

— А Эрик он знает, какой у него сильный тыл?

— Я надеюсь, — прошептала Грейс. — Иногда он смотрит на меня так, будто я последняя нить, за которую он держится.

Она отвернулась, будто боясь, что глаза выдадут всё то, что она так давно не позволяла себе чувствовать — ни слабость, ни надежду.

— Если он позволит, — сказал Маркус, мягко, — я бы хотел стать частью этой нити. Или хотя бы тем, кто поможет её не порвать.

Грейс замерла. Ни слова. Только бокал в ее руке и дрожь внутри. И снова — лёгкая улыбка, как будто между ними проскользнул лучик света.

Она собиралась чтобы что-то ответить, её губы приоткрылись — может быть, для того самого слова, которого она так долго боялась, но шаги колёс по паркету нарушили тишину. Эрик въехал на кухню. Он был всё ещё немного сонный, плед соскользнул с плеч и волочился по полу и в его взгляде была не сонная рассеянность — напротив, он смотрел с явным напряжением. Он перевёл глаза на Грейс, затем на Маркуса, а потом взгляд его задержался на два бокала с вином на столе.

— Я что-то пропустил? — спросил он переводя взгляд на мать.

В его голосе не было злости, но в нем таилась ревность — словно что-то внутри резко пошатнулось.

Грейс встала, отодвинула стул.

— Эрик — мягко начала она, но не знала, что именно сказать объяснение, извинение, успокоение?

Маркус, почувствовав неловкость, тоже поднялся и чуть отступил.

— Эй, Эрик. Прости, я не хотел тебя удивить. Просто пришёл — он замялся, — поужинать. Без вторых планов, честно.

Но Эрик уже отвёл взгляд, откатился немного назад, словно бы защищаясь дистанцией. Его губы сжались в тонкую линию, он чуть покачал головой, будто хотел стереть эту сцену из памяти.

— Я не голоден, — коротко бросил он и развернулся, чтобы выехать обратно в зал.

Грейс бросилась за ним:

— Подожди, Эрик. Не делай из этого трагедию.

Он не обернулся, только остановился на полпути.

— Просто могла бы предупредить, — тихо сказал он. — Я думал, мы сегодня будем вдвоем. Как всегда.

И исчез за дверьми ведущими в гостинную, оставив Грейс с разбитым сердцем и Маркуса, который чувствовал себя чужим, словно среди призраков, что давно поселились в этом доме. Грейс тихо шагнула в зал. Эрик сидел лицом к окну укутавшись в плед, плечи напряжены, взгляд уткнулся куда-то в мокрые кроны деревьев, где осенний ветер гонял опавшие листья. Он не обернулся, когда она подошла, а его пальцы крепче сжали подлокотники кресла.

— Эрик — начала она осторожно и замолчала словно мысленно подбирая слова.

Он не ответил. Только глубже вдохнул, как будто боролся с чем-то внутри.

— Я не хотела, чтобы ты так воспринял это, — мягко продолжила она, — Маркус просто решил навестить. Это не то, что ты думаешь.

— А что я думаю? — голос Эрика был тихий, но в нём слышалась горечь. — Что у тебя может быть своя жизнь? Что ты не обязана быть только моей матерью?

Грейс вздрогнула от этих слов. Она хотела опровергнуть, но не смогла. Потому что он всё сказал.

— Я я не знаю, Эрик. Я просто хотела спустя столько времени почувствовать себя живой. Хоть на миг.

Он медленно обернулся. В его глазах было что-то большее, чем обида и ревность — что-то детское и уязвимое.

— А ты думаешь, я не хотел бы этого? — прошептал он. — Просто почувствовать, что живу? Но я не могу, мама. У меня — только ты, а теперь я боюсь, что и тебя потеряю.

Эти слова вонзились в неё, как нож. Грейс опустила на корточки рядом с ним, стараясь поймать его взгляд.

— Ты никогда меня не потеряешь. Но я тоже человек, Эрик. Я женщина. Я иногда чувствую себя так, будто застряла. И мне страшно. Страшно, что вся моя жизнь — это только страх за тебя. Что я уже не знаю, кто я, кроме как твоя мать.

Он посмотрел на неё — и впервые за долгое время она увидела в его взгляде не только боль, но и понимание. Как будто он впервые услышал в ней не только мать, но и женщину.

Тем временем на кухне Маркус сидел, уставившись в бокал. Их приглушенные голоса доносились до него сквозь приоткрытую дверь, и он невольно стал свидетелем разговора, который не был предназначен для чужих ушей. Он понял: здесь всё куда сложнее, чем просто ужин и симпатия. Здесь — раны, которых он пока не коснулся. Грейс всё ещё стояла перед ним, её ладони были на его коленях, её голос дрожал от не выговоренного, но Эрик, хотя и слушал, не мог до конца отпустить ту горечь, что копилась в груди. Он отвернулся обратно к окну, и в отражении стекла она увидела, как медленно моргнул — будто пытался прогнать слезу.

— Я всё понимаю, мама, — наконец сказал он.

Голос его был хриплым, будто он говорил сквозь ком в горле.

— Правда. И мне не восемь лет.- продолжил он— Я вижу, как ты одна и как тебе тяжело. Может даже я и хочу, чтобы у тебя кто-то был.

Он замолчал на мгновение, пальцы его сжались сильнее. Грейс на мгновение подумала, что сердце Эрика наконец растаяло.

— Но это всё не отменяет того, что я больше никогда не смогу чувствовать так, как ты. Я не смогу влюбиться, не смогу пойти на свидание, не смогу просто взять кого-то за руку и бежать через парк.

Он с трудом сглотнул.

— Я даже не знаю, целоваться ли смогу нормально. И вот это, — он ударил по подлокотнику, — вот это всё время напоминает мне, что моя жизнь как будто приостановилась. Как будто я смотрю на неё через стекло. А ты ты хотя бы можешь выйти из этого дома и жить.

Грейс молчала. Её сердце разрывалось и она не знала, что сказать. Любые слова были бы не теми. Ни сочувствие, ни жалость, ни даже любовь не могли убрать ту правду, которую он только что произнёс. Она просто медленно подошла ближе и обняла его за плечи — нежно, сдержанно. Он не отстранился. Только вздохнул глубоко, почти надрывно. И она поняла — этот вечер изменил что-то в них обоих.

Маркус всё слышал. Каждое слово, каждую паузу, каждую трещину в голосе — как будто его впитывали стены, и он сам стал частью этих стен. Он не двигался, пока длился разговор, а потом — молча, аккуратно, будто боялся нарушить ту хрупкую тишину, что осталась после — встал, взял пальто с вешалки и вышел. Дверь он закрыл бесшумно. Он не оставил записки, не попрощался, а просто ушёл. И в этом уходе было больше уважения, чем в любом сказанном “до свидания”.

В гостиной Эрик развернул коляску, а Грейс всё ещё стояла молча позади него. Он взглянул на неё через плечо. В глазах всё ещё оставалась боль, но в голосе — уже усталость, глубокая и старая, как будто она жила в нём давно.

— Я пойду наверх, — сказал он тихо.

Он нажал на пульт, и механизм, встроенный вдоль лестницы, начал движение. Мать смотрела, как он поднимается, пока тот скрылся на втором этаже. Она осталась одна в зале. Медленно, с какой-то внутренней решимостью, она направилась на кухню. Там, на столе, всё ещё стояли два бокала. Один — нетронутый, второй — с крошечной лужицей вина, остывшей, как и сам вечер.

— Маркус? — позвала она, но голос ее был почти шёпотом.

Тишина. И тогда она поняла — он ушёл.

Грейс подошла к бутылке, которую он принёс. Налила вино в свой бокал — не глядя, почти машинально и вышла на крыльцо.

Осень обвила её прохладой и тишиной. Всё вокруг казалось вымершим. Она села на ступеньку, поставила бокал рядом, сцепила пальцы и уставилась в темнеющее небо. Где-то далеко лаяла собака, где-то хлопнула чужая дверь.

Будущее — это огромная, чёрная пустота, в которой она не видела себя. Только сына, дом, страхи и одиночество, с которым она больше не могла справиться. Слезы пришли без предупреждения. Они стекали по щекам, не громко, без истерики — просто текли, как будто давно ждали своей очереди. И с каждой слезой в груди становилось пусто. Она сжалась, обняла себя руками, и в темноте шептала то ли себе, то ли небу:

— Мне тоже страшно мне очень страшно.